Сообщения

• *А. А. Калашникова*
К вопросу о классификации русских судебных документов XV — первой половины XVI в.: правые грамоты и судные списки 264

A. A. Kalashnikova
On the issue of the 15th — the first half of the 16th centuries. Russian judicial documents' classification: judgement charters and trial records

• *О. П. Илюха*
«Пионеры не боятся волков»: метафора внешней угрозы в текстах для детей 1920–1930-х гг. 273

Ol'ga Ilyukha
"Pioneers aren't afraid of wolves": a metaphor of foreign threat in 1920s–1930s texts for children

• *А. А. Горин*
Трансформация культурного пространства и массовых коммуникаций в Литве на начальном этапе ее советизации (1940–1941 гг.)..... 281

Andrei A. Gorin
Transformation of Cultural Area and Mass-Media at the Initial Stage of Sovietization in Lithuania, 1940–1941

• *Г. А. Захаров*
Ленинградский интернациональный клуб моряков. 1954–1957 гг. 290

Grigory Zakharov
Leningrad International Sailors' Club 1954–1957

Рецензии

• *Е. К. Пиотровская*
Рецензия на книгу: Храм Святителя Николая в Бари. Проект архитектора А. В. Щусева / Авторы текстов и концепции издания: М. Евстратова, С. Колузаков. Усл. печ. л. 27. Тираж 1000 экз. М.: Кучково поле, 2017..... 298

E.K. Piotrovskaya
Review of the monograph: Church of St. Nicholas in Bari. Project of the architect A. V. Shchusev / Authors of texts and concept of the publication: M. Evstratova, S. Koluzakov. CONV. pec. L. 27. Circulation 1000 copies. M.: Kuchkovo field, 2017

Требования к публикации статей и материалов..... 313

УДК 94(470.1/.2) + 356.1
DOI: 10.24411/2311-603X-2018-00071

М. Е. Проскурякова

Избранные для службы в Олонецком уезде: Иноземцы в полках пашенных солдат в 1640-е — 1650-е гг.*

В конце 1640-х гг. в России на участках вдоль границ государства были созданы солдатские и драгунские поселения. В 1646 г. они появились на юге страны (Комарицкая волость Севского уезда), а в 1649 г. — на западе (Сомерская волость и Ставрополье Новгородской земли) и северо-западе (Заонежские и Лопские погосты). Как правило, специалисты в области военной истории причиной введения института поселенных войск называют стремление центральных властей выстроить оборону протяженных отрезков границы силами местных жителей[1]. С точки зрения А. В. Чернова, С. П. Орленко, О. А. Курбатова, формирование воинских частей, укомплектованных крестьянами, явилось одним из значимых этапов в процессе обновления российской армии в 1630-х — 1650-х гг. Данная оценка основана на глубоком анализе мероприятий Москвы в области строительства вооруженных сил и инноваций в военном деле, однако оставляет в стороне специфику жизни региональных общин. Между тем в отечественной историографии существует концептуально иное толкование преобразований, проведенных на карельских землях, в Заонежских и Лопских погостах.

* Исследование выполнено в рамках реализации международного научного проекта "The Integration of the Karelian Periphery to the European Society: the Olonets people from the late 16th to the early 18th century", поддержанного Академией наук Финляндии. Руководители проекта: проф. Ю. Корпела, Университет Восточной Финляндии, и доц. И. А. Чернякова, Петрозаводский государственный университет.

Оно принадлежит И. А. Черняковой и базируется на результатах статистических наблюдений за движением населения в карельском крае и изучении взаимоотношений между Москвой и локальным сообществом в первой половине XVII в. По мнению автора, основанием для организации поселенных войск стало стремление Москвы усилить свою власть над Заонежскими и Лопскими погостами и предотвратить запустение приграничных земель[2].

В развитии трактовки событий конца 1640-х гг., которую предложила И. А. Чернякова, следует отметить, что задача обеспечения надзора за карельскими обывателями не могла быть решена внутри действовавшей до 1649 г. системы управления регионом. Неразвитость бюрократического аппарата и отсутствие необходимого числа государственных чиновников препятствовали распространению и упрочению власти местного воеводы. Бессилие агентов царя в карельском крае привело в середине XVII в. к бегству крестьян. Реформа 1649 г. изменила структуру власти в пограничном регионе, направив туда офицеров и служащих нижних чинов для организации полков пашенных солдат. «Начальные люди» должны были стать представителями Москвы, действовавшими на уровне погостов и волостей. Примечательно, что все те, кто получил назначение в Заонежские и Лопские погосты в 1649 г., являлись иноземцами и профессиональными военными. Представляется, что именно иностранным наемникам предстояло стать тем новым и необходимым элементом в структуре власти в карельском приграничье, в отсутствие которого Москва не могла обеспечить необходимое влияние на локальные общины. В настоящей статье реконструированы биографии офицеров и урядников, получивших назначения в полки карельских пашенных солдат, и предпринята попытка установить их родственные и социальные связи внутри корпорации служилых иноземцев. Однако, предваряя результаты исследования, следует описать положение дел в карельском приграничье в конце 1640-х гг., а также действия, предпринятые сановниками царя для преодоления кризиса власти в регионе.

Кризис власти в карельском крае и преобразования конца 1640-х гг.

Согласно наблюдениям, сделанным И. А. Черняковой, итоги переписи, проведенной незадолго до введения института поселенных войск, в 1646 г., показали огромное число опустевших дворов[3]. Убыль была катастрофической. Население сократилось на 24 %, с 14 525 человек мужского пола в 1628 г. до 11 073 в 1646[4]. Исследователь называет дополнительным фактором, который наряду с падежом скота и хлебными неурожаями оказал неблагоприятное воздействие на численность жителей, неопределенность статуса региона: «Занятое неотложными делами в других частях государства Российского, правительство действовало по факту челобитий, то назначая воеводу в Заонежские погосты, то отзывая его»[5]. Так, пребывание очередного ставленника московской администрации князя Петра Хилкова в 1644 г. в региональном центре Оште было отмечено чудовищными злоупотреблениями воеводы, вымогавшего деньги и чинившего насилие над крестьянами. Действия князя П. Хилкова привели к бегству населения нескольких погостов, в том числе люди бежали из обширных Шуйского и Андомского погостов, укрываясь в лесах и погибая там[6]. Многие семьи нашли пристанище в близлежащих уездах — Новгородском, Старорусском, Каргопольском, Городецком, Белозерском, Ладожском, Псковском и Вологодском[7]. В одном из актов, составленных в Новгородской четверти в конце 1649 г., уже после создания полков пашенных солдат, московские власти акцентировали внимание на запустении карельских земель накануне реформы: «...в прошлых годех Заонежских погостов государевы крестьяне от податей и от хлебного недороду и зябь сошли из Заонежских погостов многие и живут в розных городах в государевых в дворцовых селех и в черных волостях, и за помещики и вотчинники, и за митрополитом, и за монастыри, а участки тех сошлых крестьян запустели и государевы доходы с участков их в доимке»[8]. Местные жители пытались бороться со злоупотреблениями региональной администрации. Как установлено И. А. Черняковой, крестьяне неоднократно обращались в Москву с просьбами об упразднении института воеводской власти в регионе и возвращении к старинным обычаям вершения правосудия и уплаты налогов в Великом Новгороде, однако в столице было принято иное решение, которое коренным образом меняло весь уклад жизни карельских обывателей. В апреле 1647 г. в Заонежские погосты прибыл сыщик Василий Золотарев, который должен был найти крестьян, покинувших свои участки, вернуть их на прежние дворы, взыскать подати и недоимки за пустовавшие участки, а также заручиться согласием жителей края быть записанными в солдатскую и драгунскую службу[9].

В целом новая политика Москвы в отношении карельского приграничья включала в себя комплекс мероприятий, среди которых следует назвать административно-территориальные преобразования, учреждение нового регионального центра, пересмотр сферы компетенции местного воеводы, направление в погосты более сотни профессиональных военных и, наконец, учреждение института пашенных солдат. Первым в череде преобразований стало укрупнение владений государя в Заонежских погостах. В 1648 г. Рождественский Олонецкий погост перешел из вотчины новгородского митрополита в вотчину царя в обмен на дворцовые земли в Новгородском уезде[10]. По-видимому, названный погост необходимо было поставить под государственный контроль в силу его географического положения. На западе он граничил со шведскими землями, а на севере и востоке — с тремя погостами дворцовой вотчины. Надо полагать, что, присоединяя погост к владениям царя, московские власти стремились преодолеть прежнюю территориальную раздробленность. На этом московские

власти не остановились. В Олонецком погосте планировали заложить город-крепость. Выбор места и руководство работами по возведению крепости стали первыми задачами для новых воевод. По данным Д. В. Брусницыной, они прибыли в Заонежские погосты в начале 1649 г.: князь Федор Федорович Волконский — 24 марта 1649 г., а Степан Парфеньевич Елагин — 31 марта 1649 г.[11] Городу-крепости Олонцу, построенному между двух рек — Олонки и Мегреги, — предстояло стать пунктом, где было сосредоточено всё местное управление, здесь находились олонецкие воеводы и была размещена приказная изба. Об окончании строительства крепости воеводы отчитались в конце октября 1649 г. К тому времени завершил свою миссию в регионе В. Золотарев, который смог за 1647–1649 гг. объехать бóльшую часть Заонежских погостов и заручиться согласием крестьян на военную службу в обмен на освобождение их от тягла (уплаты данных и оброчных денег), а также разыскал и возвратил на прежние места жительства ушедших крестьян[12]. В. Золотарев был отозван в Москву в конце июня — начале июля 1649 г.[13], в то самое время, когда воеводы начали запись крестьян Заонежских и Лопских погостов в солдаты и драгуны[14]. Таким образом, подготовительные мероприятия, предшествовавшие введению института поселенных войск, завершились летом 1649 г.

В соответствии с наказом олонецким воеводам от 1 марта 1649 г. все владельцы крестьянских и бобыльских дворов Заонежских и Лопских погостов, а также их дети, братья, племянники и захребетники в возрасте от 20 до 50 лет подлежали определению в солдаты и драгуны[15]. Д. В. Брусницына установила: число людей, записанных на военную службу в 1649 г., в два раза превышало число дворов, т.е. со многих дворов было взято по два, три или четыре человека[16]. По подсчетам Р. Б. Мюллер, уже в июле 1649 г. местные власти внесли в списки 7902 чел. [17] В последующие годы число прибранных крестьян увеличилось, достигнув в марте 1654 г. 11 005 чел. [18] Спустя несколько лет, в 1657 г., переписчик Иван Дивов указал имена 10 448 чел., которые состояли в рядах пашенных солдат[19]. На протяжении этих лет контроль над поступлением в полки всех годных по возрасту и состоянию здоровья крестьян оставался главной обязанностью олонецких воевод[20]. Так, например, Наказ от 31 декабря 1649 г. повелевал Василию Александровичу Чоглокову, который был прислан в Олонец на смену Ф. Ф. Волконскому, увеличить число лиц, записанных в солдаты и драгуны, а также следить за исправным исполнением ими своих обязанностей[21].

В то же время из текста названного Наказа следует, что олонецким воеводам, В. А. Чоглокову и С. П. Елагину, предстояло исполнять роль не столько организаторов поселенных войск, сколько надзирателей над офицерами и урядниками, направленными из Москвы для создания полков и обучения жителей Заонежских и Лопских погостов военному делу. В Наказе 1649 г. распоряжения об ответственности воевод за приведение крестьян к согласию пополнить ряды пашенных солдат лаконичны и сменяются длинным перечнем их полномочий по наблюдению за деятельностью иноземцев и за взаимодействием иноземцев с жителями погостов. Этот перечень открывается повелением следить за военными и представлять интересы карельских обывателей, защищая их материальное благополучие и здоровье от посягательств «начальных людей»[22]. В карельском крае должна была быть выстроена структура, в которой Олонцу отводилась роль властного центра, куда поступала информация о правонарушениях и проступках «немцев», а от местных воевод ожидали коммуникации с командирами полков для принятия мер[23]. При этом штрафы и наказания «начальных людей» оставались прерогативой полковников, направленных в Заонежские и Лопские погосты.

Иноземцы «старого выезда»

Основной задачей представленного исследования стало изучение биографий иноземцев до их определения на службу в северо-западный пограничный регион для организации поселенных войск. В отечественной историографии удалось встретить лишь несколько замечаний об особенностях комплектования заонежских полков на начальном этапе их существования. По мнению О. А. Курбатова, ко времени перевода иноземцев в карельский край они приобрели богатые навыки обучения ратных людей: «большинство командовали солдатами и драгунами под Смоленском и в южных полках, а некоторые даже послужили в Тульском драгунском строе»[24]. Итак, согласно заключению историка, в Заонежские и Лопские погосты откомандировали «начальных людей», которые участвовали в Смоленской войне между Россией и Речью Посполитой (1632–1634), а также тех офицеров и урядников, кто нес службу на засеках, расположенных к югу от Москвы. Кроме того, исследователь делает акцент на принципе пополнения полков: в них до 1654 г. направлялись исключительно иноземцы «старого выезда»[25]. Как правило, в научной литературе по данной проблематике иноземцами «старого выезда» называют людей, долгое время проживших в России, а равно и их потомков. Однако в историографии можно найти различные трактовки этого термина, заимствованного из делопроизводственных документов эпохи. Так, О. В. Скобелкин предлагает следующее объяснение: немцами «старого выезда» являлись те, кто приехал в Россию до 1613 г., и их дети[26]. По наблюдениям историка, иностранцев, выехавших «на царское имя» после окончания Смутного времени и воцарения Михаила Федоровича, именовали уже иноземцами «нового выезда»[27]. Совершенно иное понимание в данный термин вкладывает А. В. Малов. Автор хотя и подчеркивает предположительный характер своего вывода, но указывает на то, что в 1610-е гг. группу старовыезжих пополняли те, кто смог своими поступками доказать преданность царю[28]. Взятие языка, возвращение из плена, ранение, отвага на поле боя повышали статус военного и способствовали его переходу в категорию иноземцев «старого выезда»[29]. Таким образом, принимая во внимание всю сложность интерпретации приведенного термина, представляется важным

установить на конкретно-историческом материале биографии иностранцев, прибывших в 1649 г. в Олонец, и их положение внутри сословной группы служилых иноземцев.

По данным Т. А. Лаптевой, в 1640-е — начале 1650-х гг. в России проживало около 2300 иноземцев. Их перепись в Москве и других городах, произведенная в 1643 г., показала 2270 чел., а перепись 1652 г. — 2283 чел., подведомственных Иноземскому приказу[30]. 18 февраля 1649 г. в этом приказе провели смотр офицеров и урядников и отобрали 104 чел. для службы в карельском приграничье. Решение принимал глава Иноземского приказа боярин Илья Данилович Милославский. Военных расписали по двум полкам под командованием шотландцев: в полк Александра Гамильтона зачислили 55 чел., в полк Мунго Кармихеля — 49[31]. За редким исключением все они являлись кормовыми иноземцами, т.е. получали денежное жалованье. Лишь трое из 104 военных относились к разряду поместных и служили из доходов, которые приносила им земля. Поместными иноземцами являлись оба полковника, а также рядовой полка А. Гамильтона Степан Алабышев, происходивший из семьи «немцев», испомещенных в Белозерском и Ярославском уездах[32]. Финансовое благополучие всех остальных целиком зависело от занимаемой ими должности. Перевод в новый чин требовал изменения размера «корма» и решение об этом не могло быть принято главой Иноземского приказа без участия других властей. Поэтому на февральском смотре И. Д. Милославский определил иноземцев в полки теми рангами, которые они занимали до того. Этот вывод основан на соотнесении имен военных из двух списков: 1632 и 1649 гг.

Среди документов, которые удалось выявить при исследовании биографий олонецких иноземцев, находится роспись 1632 г. Она называется — «Роспись по чему наемных разных чинов военным людям давано жалованья» — и включает в себя информацию о рангах, именах и размере положенных денежных выплат офицерам, урядникам и рядовым[33]. Названная роспись, вне всякого сомнения, отражает повседневную работу Иноземского приказа, в ведении которого находилось верстание выезжих и нанятых за границей военных, их распределение по полкам и ротам, выдача им жалованья[34]. В описываемом документе напротив каждого имени помещены краткие замечания о месте службы, отметки о явке или неявке в приказ, а также многочисленные пометы относительно перевода в другой полк или подразделение. Всего в росписи названы имена 341 чел. Не исключено, что этот документ представляет лишь фрагмент более полной росписи. Он начинается с перечня лиц, очевидно, занимавших позиции капитанов, но в дошедшем до нас тексте не назван ни точный чин, ни размер их жалованья. В то же время в полном объеме сохранилась информация о людях рангами от поручика до барабанщика. По-видимому, к росписи обращались многократно, внося распоряжения о переводах военных в ту или иную воинскую часть. Имена иноземцев записаны кириллицей и, вероятно, во многих случаях сильно искажены и далеки от написания латинским алфавитом. Нередко в текстах той

эпохи можно встретить пять-шесть вариантов записи иностранного имени. Так, писцы 1640-х — 1650-х гг. именуют поручика полка М. Кармихеля Якова Нютона — Нютовым, Нутовым, Нютором, Нютиным,— допуская разночтения даже внутри одного документа. Тем не менее в двух анализируемых росписях — 1632 и 1649 гг. — фамилии и имена, как правило, совпадают или отличаются незначительно, благодаря чему удается провести идентификацию служилых.

Участники Смоленской войны (1632–1634)

Сопоставление сведений позволило установить, что из 104 чел., направленных в 1649 г. в Заонежские и Лопские погосты, 47, т.е. почти половина всех офицеров и нижних чинов, упоминались в источнике 1632 г.[35] Из них примерно половина — 20 чел. — входили в состав двух русских полков иноземного строя, сформированных накануне Смоленской войны. Согласно данным, полученным при интерпретации помет, проставленных в росписи напротив имен военных, 14 чел. имели назначения в 1-й солдатский полк под командованием шотландца Александра Лесли и шесть человек были направлены во 2-й солдатский полк под командованием голштинца Индрика Фандама (Генрих фон Дам, Индрик фан-Дам). Еще 23 чел. из росписи 1632 г. были откомандированы в Рязань, Венев, Тулу, Крапивну, Одоев и на Слободецкую засеку, т.е. в города и городки Большой засечной черты на юге России (см. табл.).

Места воинской службы иноземцев по росписи 1632 г.[36]

Места воинской службы	Число служащих
1-й солдатский полк Александра Лесли	14
Рязань	8
2-й солдатский полк Индрика Фандама	6
Венев	6
Тула	3
Одоев	3
Крапивна	2
Слободецкая засека	1
Без назначения	4
ВСЕГО	**47**

По наблюдению историка Смоленской войны Е. Д. Сташевского, в Россию с 1629 г., т.е. за несколько лет до начала вооруженного конфликта, хлынул поток иностранцев, среди которых было много профессиональных военных[37]. Это явление исследователь связывал с переменами в политике Москвы, нуждавшейся в умелых и опытных инструкторах военного дела накануне назревшей войны с поляками[38]. Этому благоприятствовала и обстановка в Европе: как раз

в это время, в 1629 г., Швеция начала роспуск нанятых ею ландскнехтов, которые стремились поступить на службу в другие страны и поэтому искали места в армии московского царя. Так, в 1629 г. дозволение на «въезд» в Россию получило несколько десятков наемников[39]. Именно они, согласно выводам Е. Д. Сташевского, стали «начальными людьми» в 1-м и 2-м солдатских полках под командованием А. Лесли и И. Фандама. Скорее всего, большинство из них получили сведения о вакансиях в московском войске через родственников и знакомых, уже служивших в Москве, так как самостоятельно въехать в Россию они не могли — Россия была закрытой страной для иноземцев. Согласно исследованию А. Д. Мулюкина, единственным законным основанием для пересечения российской границы оставалось наличие «родимцев», к которым направлялись приехавшие [40]. Получив от московских иноземцев информацию о вакансиях и условиях найма в войско, они отправлялись в Россию. Дождавшись в приграничных городах (прежде всего в Новгороде) разрешения на проезд до Москвы, иноземцы по прибытии в столицу подавали на имя царя челобитную с просьбой о принятии их на службу и пожаловании кормом. Обосновывая серьезность и искренность своих намерений, они ссылались на родственников (возможно — на псевдородственников), уже служивших в России и поэтому известных властям. Такая практика найма иноземцев и позже считалась наиболее надежным способом пополнения армии кадрами и в определенном смысле гарантировала их квалификацию и благонадежность.

В отечественной научной литературе нередко встречаются описания внутрикорпоративных связей, многие из которых были основаны на узах родства. Так, среди исследований по истории династий иноземцев особое место занимает цикл статей О. Я. Ноздрина[41]. Автор посвятил их биографиям представителей шотландских кланов, выехавших «на царское имя» в XVI–XVII вв. В работах О. Я. Ноздрина, а также других исследователей военных реформ первой половины XVII в. неоднократно встречаются описания эпизодов приезда иноземцев в Россию по приглашению их родственников или бывших сослуживцев. Особенно активны в этом отношении были шотландцы, в частности один из главных вдохновителей преобразований в системе комплектования и организации пехотных полков Александр Лесли. Прибыв в страну в 1630 г. и завоевав доверие царских сановников, полковник уже через год отправился в Европу для вербовки офицеров и рядовых для русского войска[42]. Активность А. Лесли по поиску и найму людей за границей для русской армии, а равно и тесные личные связи между въезжающими в страну находят подтверждение в биографии одного из олонецких офицеров.

Историю капитана полка М. Кармихеля Юрия Муда (Мут, Муот), уроженца Шотландии («Шкодские земли»), удалось восстановить благодаря изучению комплекса документов о выездах иностранцев. Среди прочих материалов хранится челобитная капитана от февраля 1648 г. с просьбой о выдаче ему жалованья и пропуске через границу его жены[43]. Из документа известно, что в первый раз Ю. Муд поступил на русскую службу в 1631 г., когда А. Лесли «был посылан <...> в неметскую землю призывать нашу братью, иноземцов»[44]. Тогда Ю. Муд получил должность капитана в полку А. Лесли и был под Смоленском, где принял участие в осаде крепости и где «всякую осадную нужу и бедность терпел бессъездно»[45]. После войны Ю. Муд вместе с тысячами других наемников был отпущен из Москвы и обосновался в Голландии. Узнав о начале новой вербовочной кампании и поиске офицеров для русской армии, капитан вместе с другими военными приехал в страну в 1648 г. с голландским послом Конрадом Бургом. Прося принять его в капитаны царского войска, Ю. Муд описал не только свой опыт участия в осаде Смоленска, но упомянул и о своем родстве с полковником А. Лесли. По словам Ю. Муда, он был женат на родной сестре А. Лесли и приходился тому зятем[46]. Прошение капитана было удовлетворено 24 февраля 1648 г.[47] За выезд его пожаловали 25 руб., а через месяц к нему из-за границы приехали жена и дети[48]. Спустя год он получил назначение в полк М. Кармихеля в том же капитанском чине с кормом 11 руб. в месяц[49]. Последние сведения о шотландце относятся к февралю 1656 г., когда он был убит под Брестом во время русско-польской войны (1654–1667). В то время Ю. Муд служил майором того же полка. В наказной памяти сказано: «...полковник Мартын Кармихель своего полку начальным людем и всяким урядникам, которые на государеве службе в нынешнем во 164-м году под Брестью побиты, подал имянную роспись, а в росписи написано, побиты на бою под Брестью ево полку начальные люди маюр Юрья Муд...»[50] На примере челобитной, с которой Ю. Муд обратился на царское имя в 1648 г., понятно значение, которое власти и сами наемники придавали внутрикорпоративным связям в сообществе служилых «немцев».

Как сказано выше, капитан Ю. Муд впервые попал в Россию, будучи завербован в Европе эмиссаром царя. Дело в том, что в начале 1631 г. полковник А. Лесли направился из Москвы в Швецию для найма офицеров и солдат. Он посетил короля Густава Адольфа и заручился его согласием на набор военных в подконтрольных шведам «немецких землях» — Померании, Пруссии и Ливонии[51]. По итогам вербовочной кампании 1631 г. в Россию прибыло 3800 чел., среди которых приблизительно каждый восьмой носил офицерский чин[52]. И хотя, по мысли властей, они должны были быть объединены в немецкие полки, сформированные исключительно из иноземных наемников, какое-то число из этих людей направили на пополнение штата русских полков под командой А. Лесли и И. Фандама. Так, известно, например, что полк И. Фандама получил пополнение «начальными людьми» «из новых наемных немец» в феврале 1632 г.[53] Таким образом, 1-й и 2-й солдатские полки ко времени завершения своего комплектования в начале 1632 г. объединяли в своем штате как тех иноземцев, которые выехали в Россию в составе разрозненных партий в конце 1620-х гг., так и тех, кто попал в русскую армию в ходе кампании 1631 г., будучи нанятыми в Европе.

По-видимому, среди офицеров и урядников полков А. Лесли и И. Фандама также находились и потомки давно выехавших в Россию иноземцев. Так, в росписи 1632 г. среди барабанщиков полка И. Фандама был назван Александр Федоров сын Гоконов. Причем напротив его имени стоит несколько помет, среди которых есть и такая: «мал». Впоследствии слово «мал» зачеркнули и вписали решение об определении его «х корму» и назначении барабанщиком в часть к И. Фандаму[54]. Надо полагать, Александр Гоконов происходил из семьи московских кормовых иноземцев, получавших жалованье. Скорее всего, «на царское имя» выехал отец Александра, а он сам на смотре в Иноземском приказе сначала был записан в полк барабанщиком без жалованья, а затем внесен в разряд нестроевых нижних чинов с жалованьем. Примечательно, что в росписи 1632 г. среди сержантов полка И. Фандама назван Андрей Гоконов[55], по всей вероятности, происходивший из той же семьи Гоконовых. Предположительно, Александр родился в России. Удалось найти несколько упоминаний имени барабанщика в других источниках. За 20 мая 1648 г. его имя упомянуто в числе тех иностранцев, кто перешел в православие и был награжден за это сукном: «государева жалованья новокрещену иноземцу немчину Анисиму Гоконову четыре аршина настрафилю[56] лазоревого по пятинатцати алтын по три деньги аршин <...>, а пожаловал его государь за подначальство[57] и за крещенье»[58]. В записи о выдаче сукна барабанщик назван Анисимом, именем, принятым при крещении. В более поздних документах, например, в полковых росписях, факт принятия русской веры каждый раз подчеркивался составителями: «Александр Гоконов, во крещенье Анисим»[59], «иноземец новокрещен Онисим Гоконов»[60]. История службы Александра, которую отчасти удалось восстановить по служилым документам 1640-х — 1650-х гг., такова: в 1649 г. он поступил в полк А. Гамильтона барабанщиком[61], в августе 1653 г. его пожаловали в сержанты[62], а в марте 1654 г. он уже прапорщик в том же полку[63]. Таким образом, среди иноземцев, получивших назначения в полки А. Лесли и И. Фандама, а спустя полтора десятилетия направленных для организации поселенных войск в Заонежские и Лопские погосты, находилось какое-то число людей, родившихся в России и унаследовавших род занятий от отцов и к тому же принявших православие, что значительно облегчало их продвижение по карьерной лестнице и становилось гарантией верности своему государю (крещение делало иноземца подданным царя).

Названные 1-й и 2-й солдатские полки являлись русскими полками иноземного строя. В них иностранцы заняли позиции офицеров и урядников, а русские служилые и вольные люди — рядовых. «Немцы» обучали солдат ратному делу. Первоначально в составе каждого из полков должно было находиться по 176 «начальных людей» и 1600 рядовых. По данным, приведенным Д. Н. Меньшиковым, на начало военной кампании осенью 1632 г. в полку А. Лесли насчитывалось 150 «начальных людей» и 1587 солдат, а в полку И. Фандама — 114 «начальных людей» и 1592 солдата[64]. Известно, что оба полка участвовали в войне 1632–1634 гг., полк А. Лесли способствовал взятию

Дорогобужа в октябре 1632 г.[65] и входил в осадный корпус русской армии под Смоленском. Надо полагать, что военные, упомянутые в росписи 1632 г. в числе «начальных людей» А. Лесли и И. Фандама, воевали во всех сражениях против Речи Посполитой. Впоследствии несколько десятков из них были посланы в Заонежские и Лопские погосты для организации поселенных войск[66].

Служащие на Белгородской засечной черте

Примечательно, что в росписях 1632 и 1649 гг. совпадают не только имена людей, но и сведения об их рангах и жалованье. Со времени составления росписи 1632 г. и до решения об отсылке «начальных людей» в Олонец прошло 17 лет. За эти годы у половины военных чины и жалованье остались прежними. Из 20 чел. «высшего» и «меньшего» чина полков А. Лесли и И. Фандама десять сохранили те же позиции и корм в 1649 г. Равным образом не были успешны в продвижении по карьерной лестнице многие из 23 чел., числившихся на службе в городах и городках Большой засечной черты (см. табл.). В целом всего 25 чел. из 47, названных в росписи 1632 г., сохранили свои прежние позиции. Среди них были капитаны Роборт Эллет (Еллет), Волтор Кармихель (Волтер Кормихель), Ян Лунды (Ян Романов сын Лунды), поручики Ондрей Нилсюн (Нилсон), Фредрик Горн, Рычерт Салтус, Юрья Кунигам, Эдварт Шонорт (Шонор) и многие другие служащие офицерских чинов и урядники. Еще 11 чел. за истекшие годы поднялись только на одну служебную ступеньку. В большинстве из этих случаев военных перевели с должностей прапорщиков на должности поручиков. Такие повышения получили Анц Вулф (Вульф), Ленерт Гернерей (Ленерт Герн), Юрьи Шульц, Юрья Вилк (Юшка Вилк, в крещении Ивашко), Алексей Лунды (Алексей Яков сын Лунды).

Отсутствие карьерного роста, по всей вероятности, было тесно связано с поражением России в Смоленской войне, а также провалом политики в области формирования армии из иностранных наемников. Череда неудачных действий воеводы Михаила Борисовича Шеина во время Смоленской войны привела к переходу значительной части из них на сторону противника, польского короля Владислава IV. После вынужденного снятия осады со Смоленской крепости, окружения и капитуляции русской армии 16 февраля 1634 г. воевода потерял контроль над иноземными «начальными людьми», которые предпочли самовольно покинуть царскую службу. Известно, что после завершения Смоленской войны было принято решение о роспуске иноземных полков «нового строя» и высылке наемников за границу. По данным О. А. Курбатова, в составе русской армии осталось около 500 «немцев», которые были расписаны по двум или трем полкам[67]. Причем, по утверждению автора, «большинство (из иноземцев. — *М. П.*) носило очень низкие чины — сержантов, прапорщиков, капралов и барабанщиков»[68]. Таким образом, попытка активных наступательных действий на западной границе и возвращения Смоленска, потерянного в годы

Смуты, потерпела крах. Центральные власти вновь сосредоточили внимание на обороне южных границ по линии между Тамбовом и Белгородом и защите земель от набегов крымских татар. В середине 1630-х гг. началось строительство Белгородской засечной черты, и ветераны Смоленской войны были направлены для ее возведения, сооружения валов, рвов, укрепленных пунктов, и охраны. Иноземцами, оставшимися в России, укомплектовали офицерский корпус местных воинских частей. Это были полки Александра Крафорта и Валентина Росформа. Следовательно, после крайне неудачной войны 1632–1634 гг. центральные власти отложили смоленскую проблему на будущее, но при этом решили использовать «немцев» для укрепления южных территорий. Белгородский опыт с откомандированием иноземцев на засечную черту позволяет прояснить принятое впоследствии решение об усилении обороны границы и контроле над местным населением на северо-западе силами тех же иноземцев.

Представляется, что «начальные люди», чьи имена названы выше, прошли именно такой путь. Завершив свое участие в Смоленской войне и оставшись в России, они получили назначения в полки, расквартированные по южной границе. Возможно, что кто-то из них смог проявить себя во время осады Смоленска, завоевать доверие властей и на этом основании продолжать службу. Однако более вероятным выглядит другое объяснение феномена их долгого пребывания в стране. Скорее всего, большинство имели родственные и дружеские связи с людьми, чья верность царю не подвергалась сомнению, а также являлись членами семей «немцев», давно укоренившихся в России. В этом отношении примечательна биография барабанщика полка М. Кармихеля Елисея Юнторова (Елисейко Яковлев сын Гунтор). Как следует из его челобитной, он приходился сыном иноземцу, жившему в России в течение 20 лет и убитому под Смоленском «ис пушки»[69]. После гибели отца Елисей начал военную карьеру и был направлен на Белгородскую черту (год этого назначения неизвестен), в Белгород, а затем Карпово сторожевье и участвовал в строительстве черты. Он жаловался в своей челобитной, что: «...на степи ров копал, и вал валил, и всякую степную нужу терпел, и Царев Олексеев город ставил», а затем, в 1649 г., был переведен в Заонежские погосты[70]. Таким образом, Е. Юнторов являлся представителем второго поколения иноземцев, живших в России, он унаследовал занятия отца и по решению Иноземского приказа получил назначение сначала на южную границу России, а позднее — в карельский край.

Следовательно, «немцы», которым разрешено было остаться в стране после завершения Смоленской войны, а также дети служилых иноземцев составили своего рода кадровый резерв. Долго живя в России, они доказали верность царю и во время организации поселенных войск в Заонежских и Лопских погостах власти обратились к их знаниям. Из документов об их службе видно, что многие из числа олонецких «начальных людей» не только имели навыки службы в европейских армиях, но и, по меньшей мере с конца 1620-х — начала 1630-х гг., служили в русских войсках. Пройдя сражения Смоленской войны, на юге страны они приобрели опыт организации оборонительных мероприятий. Как следует из дальнейшей истории этих людей, никто из них не дал повода усомниться в верности царю, несмотря на тяжелейшие условия службы в карельском приграничье.

Прибыв в Заонежские и Лопские погосты, офицеры и урядники расселились по погостам и волостям и на регулярной основе проводили сборы крестьян и обучали их военному ремеслу. При этом сами «начальные люди» находились в очень уязвимом положении. При колоссальных расстояниях между центрами погостов в двести и триста верст они были расселены в населенных пунктах по 1–2 чел. Спустя три года после введения института поселенных войск полковник М. Кормихель так описывал выполнение им и людьми его команды царских повелений 1649 г.: «По твоему, государеву, указу послан я, холоп твой, с начальными людьми на твою, государеву, службу в Заонежские погосты для салдатцкого и драгунского ученья и строю, а мне, холопу твоему, указано быть на стану на Окте (Оште. — *М. П.*), а начальные люди розосланы порознь по погостам и по выставком по человеку, по два»[71]. В карельском крае иноземцам пришлось столкнуться не только с тяжелыми условиями жизни, но и неповиновением крестьян. Между тем они стали представителями московской власти в самых удаленных волостях, обеспечив контроль над местными общинами на уровне каждого из крестьянских поселений.

Итак, исследование биографий группы иноземцев, которые начали службу в Заонежских и Лопских погостах в 1649 г., показало их принадлежность к сословию профессиональных военных. Многие из них впервые оказались в России в период подготовки к войне с Речью Посполитой. Причем среди них были как те, кто приехал в страну по личной инициативе в конце 1620-х гг., так и те, кто был нанят в Европе эмиссаром царя полковником А. Лесли в 1631 г. Получив от московских властей денежное жалованье, многие поступили в 1-й и 2-й солдатские полки, заняв позиции «начальных людей» и взяв на себя ответственность за обучение русских солдат ратному делу. Другие военные получили назначения в города и городки Большой засечной черты. Несколько позднее, в середине и конце 1630-х гг., приняв участие в Смоленской войне, офицеры и урядники пополнили ряды людей, направленных в южные пределы России, где велись работы по сооружению Новой (Белгородской) засечной черты. Оттуда спустя десятилетие, в 1649 г., их перевели на северо-западную границу для организации поселенных войск.

Среди военных, определенных для службы в Заонежских и Лопских погостах, находились также дети иноземцев, рожденные в России, но сохранившие социальную принадлежность к группе служилых «немцев». Они делали первые шаги по карьерной лестнице, занимая низшие полковые должности — рядовых и барабанщиков. Кроме них, в заонежские полки получали назначения «новоыезжие» иноземцы, покинувшие Россию после окончания Смоленской войны и вернувшиеся на царскую службу в конце 1640-х гг. Если благонадежность этих лиц была неоспоримой, они занимали должности в местных воинских частях.

Таким образом, состав олонецких иноземцев можно весьма условно разделить на несколько групп — военные, выехавшие в страну перед Смоленской войной, дети служилых «немцев», а также офицеры, вернувшиеся на службу государя после долгого отсутствия в России.

[1] *Курбатов О. А.* Организация и боевые качества русской пехоты «Нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–1658 гг. // Архив русской истории. Сборник РГАДА. Вып. 8. М., 2007. С. 162–167; *Орленко С. П.* «Шкотские немцы» в Московии. Западноевропейские офицеры в России XVII века // Родина. 2004. № 11. С. 44; *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 139–140, 143.
[2] *Чернякова И. А.* Карелия на переломе эпох: Очерк социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 174–175.
[3] Там же. С. 169.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 170.
[6] Там же. С. 171–172.
[7] Там же. С. 176.
[8] Наказ олонецкому воеводе Василью Чеглокову об отправлении им воеводской должности, 31 декабря 1649 г. // ДАИ. Т. III. № 67. С. 246–247.
[9] *Чернякова И. А.* Карелия на переломе эпох. С. 174–175.
[10] *Брусницына Д. В.* Пашенные солдаты в северо-западном российском пограничье: Опыт привлечения карельских крестьян к военной службе (1649–1666): Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2014. С. 73.
[11] Там же. С. 76.
[12] Там же. С. 65–73.
[13] Там же. С. 80.
[14] Там же. С. 88.
[15] Там же. С. 83–88.
[16] Там же. С. 88.
[17] Там же. С. 91.
[18] Там же. С. 112.
[19] Там же. С. 115.
[20] Наказ олонецкому воеводе Василью Чеглокову... С. 243–244.
[21] Там же. С. 244.
[22] Там же.
[23] Там же.
[24] *Курбатов О. А.* Организация и боевые качества русской пехоты... С. 166.
[25] Там же. С. 174.
[26] *Скобелкин О. В.* Размещение поместного землевладения служилых «немцев» в 20-х — начале 30-х гг. XVII в. // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2006. № 1. Январь–июнь. С. 96.
[27] Там же. С. 97.
[28] *Малов А. В.* Выходцы из Речи Посполитой на службе царя Михаила Федоровича на завершающем этапе Смуты. 1613–1619 гг. // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: Опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы Российско-Польской научной конференции / Отв. ред. А. В. Юрасов. М., 2016. С. 231.
[29] Там же. С. 231.
[30] *Лаптева Т. А.* Документы Иноземского приказа как источник по истории России XVII века // Архив русской истории. М., 1994. Вып. 5. С. 119.
[31] Роспись иностранных офицеров и нижних чинов, назначенных для обучения в солдатских полках, расположенных в Заонежских погостах, 18 февраля 1649 г. // ДАИ. 1848. Т. III. № 49. С. 170–173.

[32] *Скобелкин О. В.* Размещение поместного землевладения служилых «немцев»... С. 98–99. № 1–3, 76.
[33] РГАДА. Ф. 150 (Дела о выездах иностранцев). Оп. 1. 1632 г. Д. 3.
[34] *Лаптева Т. А.* Документы Иноземского приказа... С. 113.
[35] РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1632 г. Д. 3; Роспись иностранных офицеров и нижних чинов... С. 170–173.
[36] РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1632 г. Д. 3.
[37] *Сташевский Е. Д.* Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919. С. 37.
[38] Там же.
[39] Там же. С. 11–12, 35–38.
[40] *Мулюкин А. Д.* Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI и XVII веков. СПб., 1909. С. 51.
[41] *Ноздрин О. Я.* 1) Воображаемый герой. К вопросу о генералитете XVI века // Studia internationalia: Материалы V международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.». Брянск, 2016. С. 56–59; 2) «Против недругов стоял и бился мужественно...»: Клан Драммондов на службе царю и Отечеству // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Международная научно-практическая конференция. СПб., 2010. Ч. II. С. 154–163; 3) Крофорды XVII в. Шотландские джентльмены на службе царей московских // Noblesse oblige: Праздничная и повседневная жизнь господствующих слоев Европы XVI–XX столетий: Материалы научной конференции / Под ред. С. Т. Минакова и О. Я. Ноздрина. Орел, 2003. Вып. I. С. 10–15; 4) Шотландцы в России // Международная жизнь. Проблемы внешней политики, дипломатии, национальной безопасности. М., 2004. № 3. С. 147–160.
[42] *Малов А. В.* Командиры частей нового строя в 1628–1636 гг. (От подготовки к Смоленской войне до роспуска частей нового строя после ее окончания) // Археографический ежегодник за 2009–2010 годы. М., 2013. С. 137; *Сташевский Е. Д.* Смоленская война 1632–1634 гг. С. 35, 68–94.
[43] РГАДА. Ф. 150 (Дела о выездах иностранцев в Россию). Оп. 1. 1648 г. Д. 4.
[44] Там же. Л. 1.
[45] Там же.
[46] Там же. Л. 3.
[47] Там же. Л. 2, 5.
[48] Там же. Л. 7, 10, 12.
[49] Роспись иностранных офицеров и нижних чинов... С. 171.
[50] РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 1. 1654 г. Д. 100. Л. 252.
[51] Там же. С. 76–90.
[52] Там же. С. 105.
[53] *Сташевский Е. Д.* Смоленская война 1632–1634 гг. С. 111.
[54] РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1632 г. Д. 3. Л. 19.
[55] Там же. Л. 12.
[56] Настрафиль — вид сукна в XVI–XVII вв.
[57] Подначальство — пребывание «под началом» в монастыре или под надзором у духовных лиц до «исправления веры», т.е. до крещения.
[58] РГАДА. Ф. 396 (Архив Московской Оружейной палаты). Оп. 2. Ч. 1. Д. 303а. Л. 239 об.
[59] РГАДА. Ф. 141. 1652 г. Д. 79. Ч. II. Л. 541.
[60] Там же. Л. 438.
[61] Роспись иностранных офицеров и нижних чинов... С. 171.
[62] РГАДА. Ф. 141. 1652 г. Д. 79. Ч. I. Л. 232.
[63] Там же. Ч. II. Л. 541.
[64] *Меньшиков Д. Н.* Боевая сила армии М. Б. Шеина в Смоленском походе 1632–1634 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 4. Ч. I. С. 14.

[65] *Меньшиков Д. Н.* Смоленская война 1632–1634 гг. и начальный этап реформирования московской армии: Дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2009. С. 101.

[66] Здесь приведены результаты соотнесения чинов и имен иноземцев по росписям 1632 и росписи 1649 г. Сначала показаны чины и имена служащих по данным за 1632 г., а затем в скобках названы их чины и имена по источнику 1649 г. Капитаны: Ян Вуд (капитан Джон Вуд), Гуго Краферт (майор Гуго Краферт). Поручики: Эдварт Шонор (поручик Эдварт Шопорт), Кашпир Фанбатен (поручик Кашпир Фанбатен), Ондрей Нилсюн (поручик Ондрей Нилсон). Прапорщики: Анц Иванов сын Сван (полковой квартирмейстер Иван Иванов сын Сван), Ленерт Гернерей (поручик Ленерт Герн), Юрье Вилк (поручик Юрьи Вилк). Полковой обозный: Индрик Кемерн (поручик Индрик Кемир). Сержанты: Иван Томосов сын Кар (сержант Джон Кар), Борис Анцов сын Шван (прапорщик Борис Сван), Крестьян Газ (сержант Крестьян Газ), Григорий Яковлев сын Гаст (прапорщик Григорий Гаст), Яган Кит (прапорщик Яган Кит). Барабанщики: Ондрей Юрьев (барабанщик Ондрей Юрьев), Ондрей Измайлов (барабанщик Ондрей Измайлов), Кашпир Ферман (барабанщик Кашпир Ферман), Юрия Сникерт (сержант Юрьи Сникер), Александр Федоров сын Гоконов (барабанщик Александр Гокопов). Дозорщик над ружьем: Иван Устриков (полковой обозный Иван Устриков).

[67] *Курбатов О. А.* Организация и боевые качества... С. 159.

[68] Там же.

[69] РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1652 г. Д. 79. Ч. I. Л. 1.

[70] Там же.

[71] Там же. Л. 56.

References

BRUSNICYNA D. V. *Pashennye soldaty v severo-zapadnom rossijskom prigranich'e: Opyt privlecheniya karel'skih krest'yan k voennoj sluzhbe (1649–1666)*. Dis. ... kand. ist. nauk. Petrozavodsk, 2014.

CHERNOV A. V. *Vooruzhennye sily Russkogo gosudarstva v XV–XVII vv.* Moscow, 1954.

CHERNYAKOVA I. A. *Kareliya na perelome ehpoh: Ocherk social'noj i agrarnoj istorii XVII veka*. Petrozavodsk, 1998.

KURBATOV O. A. *Organizaciya i boevye kachestva russkoj pekhoty "Novogo stroya" nakanune i v hode russko-shvedskoj vojny 1656–1658 gg.* // Arhiv russkoj istorii. Sbornik RGADA. Moscow, 2007. Vyp. 8. S. 157–197.

LAPTEVA T. A. *Dokumenty Inozemskogo prikaza kak istochnik po istorii Rossii XVII veka* // Arhiv russkoj istorii. Moscow, 1994. Vyp. 5. S. 109–127.

MALOV A. V. *Vyhodcy iz Rechi Pospolitoj na sluzhbe carya Mihaila Fedorovicha na zavershayushchem ehtape Smuty. 1613–1619 gg.* // Smuta v Rossii i Potop v Rechi Pospolitoj: Opyt preodoleniya gosudarstvennogo krizisa v XVII stoletii. Materialy Rossijsko-Pol'skoj nauchnoj konferencii / Otv. red. A. V. YUrasov. Moscow, 2016. S. 210–244.

MALOV A. V. *Komandiry chastej novogo stroya v 1628–1636 gg. (Ot podgotovki k Smolenskoj vojne do rospuska chastej novogo stroya posle ee okonchaniya)* // Arheograficheskij ezhegodnik za 2009–2010 gody. Moscow, 2013. S. 126–143.

MEN'SHIKOV D. N. *Boevaya sila armii M. B. SHeina v Smolenskom pohode 1632–1634 gg.* // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. 2008. Vyp. 4. CH. I. S. 10–16.

MEN'SHIKOV D. N. *Smolenskaya vojna 1632–1634 gg. i nachal'nyj ehtap reformirovaniya moskovskoj armii*: Dis. ... kand. ist. nauk. St Petersburg, 2009.

MULYUKIN A. D. *Priezd inostrancev v Moskovskoe gosudarstvo. Iz istorii russkogo prava XVI i XVII vekov*. St Petersburg, 1909.

Nakaz oloneckomu voevode Vasil'yu CHeglokovu ob otpravlenii im voevodskoj dolzhnosti, 31 dekabrya 1649 g. // DAI. 1848. T. III. N 67. S. 246–247.

NOZDRIN O. YA. *Voobrazhaemyj geroj. K voprosu o generalitete XVI veka* // Studia internationalia: Materialy V mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Zapadnyj region Rossii v mezhdunarodnyh otnosheniyah X–XX vv.". Bryansk, 2016. S. 56–59.

NOZDRIN O. YA. *"Protiv nedrugov stoyal i bilsya muzhestvenno...": Klan Drammondov na sluzhbe caryu i Otechestvu* // Vojna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. St Petersburg, 2010. CH. II. S. 154–163.

NOZDRIN O. YA. *Krofordy XVII v. SHotlandskie dzhentel'meny na sluzhbe carej moskovskih* // Noblesse oblige: Prazdnichnaya i povsednevnaya zhizn' gospodstvuyushchih sloev Evropy XVI–XX stoletij: Materialy nauchnoj konferencii / Pod red. S. T. Minakova i O. YA. Nozdrina. Orel, 2003. Vyp. I. S. 10–15.

NOZDRIN O. YA. *SHotlandcy v Rossii* // Mezhdunarodnaya zhizn'. Problemy vneshnej politiki, diplomatii, nacional'noj bezopasnosti. Moscow, 2004. N 3. S. 147–160.

ORLENKO S. P. "*SHkotskie nemcy*" *v Moskovii. Zapadnoevropejskie oficery v Rossii XVII veka* // Rodina. 2004. N 11. S. 39–45.

Rospis' inostrannyh oficerov i nizhnih chinov, naznachennyh dlya obucheniya v soldatskih polkah, raspolozhennyh v Zaonezhskih pogostah, 18 fevralya 1649 g. // DAI. 1848. T. III. N 49. S. 170–173.

SKOBELKIN O. V. *Razmeshchenie pomestnogo zemlevladeniya sluzhilyh "nemcev" v 20-h — nachale 30-h gg. XVII v.* // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya. Politologiya. Sociologiya. 2006. N 1. YAnvar'–iyun'. S. 96. S. 95–100.

STASHEVSKIJ E. D. *Smolenskaya vojna 1632–1634 gg. Organizaciya i sostoyanie Moskovskoj armii*. Kiev, 1919.

Список литературы

Брусницына Д. В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье: Опыт привлечения карельских крестьян к военной службе (1649–1666): Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2014.

Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты «Нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–1658 гг. // Архив русской истории. Сборник РГАДА. М., 2007. Вып. 8. С. 157–197.

Лаптева Т. А. Документы Иноземского приказа как источник по истории России XVII века // Архив русской истории. М., 1994. Вып. 5. С. 109–127.

Малов А. В. Выходцы из Речи Посполитой на службе царя Михаила Федоровича на завершающем этапе Смуты. 1613–1619 гг. // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: Опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы Российско-Польской научной конференции / Отв. ред. А. В. Юрасов. М., 2016. С. 210–244.

Малов А. В. Командиры частей нового строя в 1628–1636 гг. (От подготовки к Смоленской войне до роспуска частей нового строя после ее окончания) // Археографический ежегодник за 2009–2010 годы. М., 2013. С. 126–143.

Меньшиков Д. Н. Боевая сила армии М. Б. Шеина в Смоленском походе 1632–1634 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 4. Ч. I. С. 10–16.

Меньшиков Д. Н. Смоленская война 1632–1634 гг. и начальный этап реформирования московской армии: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.

Мулюкин А. Д. Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI и XVII веков. СПб., 1909.

Наказ олонецкому воеводе Василью Чеглокову об отправлении им воеводской должности, 31 декабря 1649 г. // ДАИ. 1848 г. Т. III. № 67. С. 246–247.

Ноздрин О. Я. Воображаемый герой. К вопросу о генералитете XVI века // Studia internationalia: Материалы V Международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.». Брянск, 2016. С. 56–59.

Ноздрин О. Я. «Против недругов стоял и бился мужественно...»: Клан Драммондов на службе царю и Отечеству // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Международная научно-практическая конференция. СПб., 2010. Ч. II. С. 154–163.

Ноздрин О. Я. Крофорды XVII в. Шотландские джентльмены на службе царей московских // Noblesse oblige: Праздничная и повседневная жизнь господствующих слоев Европы XVI–XX столетий: Материалы научной конференции / Под ред. С. Т. Минакова и О. Я. Ноздрина. Орел, 2003. Вып. I. С. 10–15.

Ноздрин О. Я. Шотландцы в России // Международная жизнь. Проблемы внешней политики, дипломатии, национальной безопасности. М., 2004. № 3. С. 147–160.

Орленко С. П. «Шкотские немцы» в Московии. Западноевропейские офицеры в России XVII века // Родина. 2004. № 11. С. 39–45.

Роспись иностранных офицеров и нижних чинов, назначенных для обучения в солдатских полках, расположенных в Заонежских погостах, 18 февраля 1649 г. // ДАИ. 1848. Т. III. № 49. С. 170–173.

Скобелкин О. В. Размещение поместного землевладения служилых «немцев» в 20-х — начале 30-х гг. XVII в. // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2006. № 1. Январь–июнь. С. 96. С. 95–100.

Сташевский Е. Д. Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919.

Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954.

Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерк социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998.

М. Е. Проскурякова. Избранные для службы в Олонецком уезде: Иноземцы в полках пашенных солдат в 1640-е — 1650-е гг.

В статье исследуются биографии иноземцев, занявших позиции офицеров и урядников в воинских частях под командованием полковников Александра Гамильтона и Мунго Кармихеля. Их полки входили в структуру поселенных войск, учрежденных в России в конце 1640-х гг., и были укомплектованы записанными в солдаты крестьянами Заонежских и Лопских погостов. Иноземцам, которые прошли смотр и отбор в столице, власти поручили командование полковыми подразделениями и обучение карельских землепашцев ратному делу. В представленной статье история службы «начальных людей», получивших в 1649 г. назначения в названные полки, изучена на основании анализа комплекса документов, среди которых следует назвать роспись иноземцев по полкам, составленную незадолго до начала Смоленской войны (1632–1634), дела о выездах иностранцев в Россию 1640-х гг., а также челобитные за 1640-е — 1650-е гг.

Многие из служащих заонежских полков прибыли в Россию в период подготовки к войне с Речью Посполитой, но в отличие от тысяч других наемников группа иноземцев, чьи биографии исследуются, осталась в России и после окончания войны. Они создали своего рода кадровый резерв профессиональных военных, доказав свою верность царю во время осады Смоленска. С середины 1630-х гг. они были задействованы в работах по возведению Белгородской засечной черты, а в 1649 г. переведены на северо-западную границу. При формировании корпуса офицеров и урядников заонежских полков к «начальным людям», нанятым в русскую армию в начале 1630-х гг., были добавлены дети служилых «немцев», только еще начинавшие военную карьеру, а также иноземцы, покинувшие Россию после окончания Смоленской войны и вернувшиеся на царскую службу в конце 1640-х гг.

Ключевые слова: история России, XVII в., поселенные войска, пашенные солдаты, Карелия, Олонец, приграничье, иноземцы, офицеры, шотландцы.

M. Proskuryakova. The Selected for Service in the Olonets Uezd: The Foreigners in the Regiments of Ploughman Soldiers in 1640s–1650s

The biographies of the foreigners who took places of officers and non-commissioned officers in the military units under command of Colonels Alexander Hamilton and Mungo Carmichael are under the study in the article. The named regiments became the part of the structure of soldier' settlements established in Russia at the end of the 1640s. They were staffed by Karelian peasants (who lived in the districts near Lake Onega) enrolled in the military service. The powers instructed foreigners, who went through the review in the capital, to command the regimental subdivisions and teach the Karelian peasants military knowledge. In the present article the history of service of the foreigners who in 1649 received appointments to the regiments is examined on the base of analysis of the documental complex. Among the sources should be named the list of foreigners called in the military units on the eve of the Smolensk War (1632–1634), the documents of the arrival of foreigners in Russia for the 1640s, and the petitions of foreigners from the 1640s–1650s.

It was revealed that a number of people from the Karelian regiments came to Russia in the period of preparations for the war with the Polish-Lithuanian Commonwealth. However, unlike the thousands of other mercenaries the group of foreigners whose biographies are investigated stayed in Russia after the end of the war. They created kind of reserve of professional military men having confirmed their loyalty to the tsar during the Smolensk siege. Since the mid of the 1630s these people were engaged in the work on the construction of the Belgorod defense line, and in 1649 they were moved for service to the north-western border. During the formation of the corps of the officers and non-commissioned officers of the Karelian regiments to the number of foreigners, who had been hired to the Russian army in the beginning of 1630s, were added sons of foreigners who just started their military career, as well as the foreigners, who left Russia after the end of the Smolensk War and came back on the tsar service as late as in the end of the 1640s.

Key words: history of Russia, 17th century, soldiers settlements, ploughman soldiers, Karelia, Olonets, borderland, foreigners, officers, Scots.

Проскурякова, Мария Евгеньевна — к. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН.
Proskuryakova, Mariya — candidate of Historical Sciences St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.
E-mail: m-proskuryakova@mail.ru